

“Если в семье нет единомыслия.

**Гражданское противостояние или политические несогласия в семье.
Семинар LT111 - 12.05.2022 г.**

<https://www.youtube.com/live/0oiu1yau9BE?si=8p2kp6usweJX-FXh>

1:54:21

[Говорящий 3]

Ну что же, добрый вечер, очередной разговор, живой разговор.

[Говорящий 1]

И сегодня разговор вновь возвращается к теме идеологии. К сожалению, эта тема от нас не отступает. Ну и понятно, что тема от нас всех волнует.

Но что делать? Мы все в нее погружены. Нас всех затягивает в эту идеологическую тему.

И, наверное, еще долго мы будем в этой теме оставаться. Поэтому нам, конечно, было бы хорошо иметь оружие, некоторые инструменты для того, чтобы помогать себе и близким. Ну и научиться разбираться все-таки в том, что происходит.

Мы говорили с вами о том, что есть определенная ситуация информационной войны, которая происходит на всех уровнях, и что в этой информационной войне есть раненые, убитые, есть дозволь и недозвольные приемы. Ну, в общем говоря, все не так легко, как кажется. Надо как-то с этим справляться.

Но у нас есть особая христианская позиция в области информационной войны, которая заключается в том, что мы придерживаемся каких-то базовых вещей, которые не подлежат идеологическому пересмотру. К примеру, Евангелие. То, на чем христианство основано, на Евангелии.

Именно это является нашей базовой ценностью, от которой мы не можем отказаться, и на основе которой мы можем сличать наши подходы – идеологические, информационные, философские, духовные подходы. То есть у нас с вами есть общий для всех христиан на свете, есть некие общие базовые принципы – этические, духовные принципы, религиозные принципы, которые содержатся в Евангелии, в Благой Весте, которую принес нам Иисус. И вот поэтому мы имеем право сказать, что истина –

это не то, что каждый человек думает, или его партия думает, или его этническое большинство так думает.

Нет. Это то, что для всех партий, для всех этносов, кто исповедует христианство, разумеется, есть нечто общее, что позволяет нам сравнивать наши позиции и говорить о том, что белое – это белое, а чёрное – это чёрное. Разумеется, это не снимает всех вопросов, разумеется, это не снимает противостояния людей, потому что даже христиане, как мы знаем из нашей древней истории христианской, находили всегда возможность, опираясь на один и тот же фундамент, на Евангелие, утверждать совершенно разные жизненные ценности и даже воевать друг с другом, и даже убивать друг друга ради этих ценностей, уповая на Евангелие и уповая на Бога одновременно, и при этом друг друга убивать. Мы знаем, есть религиозные войны, были войны под знаменем христианства, войны со знаменем христианства, во славу христианства, против и так далее.

То есть всего этого в истории нашей достаточно, чтобы мы могли сказать, что указания на единые этические корни ничего не решают. Да, ничего не решают. Если мы хотим оправдать какую-то свою идеологию, то есть набор, систему некоторых идей, то мы можем использовать все, что угодно.

Мы можем построить такую систему доказательств, которая может показаться миллионам людей достоверной и можем верить, что она таковой и является. И результатом того, что, несмотря на все, христиане могут быть совершенно разных убеждений, разных идеологических систем, является и то положение, в котором мы сегодня оказались. Это положение можно коротко назвать как гражданская война.

В неявном виде эта гражданская война происходила в России, на Руси очень давно, многие столетия. Но в таком явном виде она, конечно, началась в более острой фазе в конце 19 века и в революции, в русские революции, в первую, вторую. Ну и, конечно, достигает определенного такого какого-то пика обострения сейчас.

Мы сейчас именно переживаем такое противостояние христиан с христианами. Я не имею в виду войну, я имею в виду именно те разногласия, которые мы с вами обсуждаем дома, на кухне, на работе, на улице, в автобусе, в метро, ну и, конечно, в социальных сетях. То есть везде, где сталкиваются наши мнения, везде возникают жесткие споры, жесткое противопоставление друг к другу, жесткие заявления, грубости, нецензурная брань и даже пожелание друг другу смерти.

Мы знаем, есть люди, которые утверждают, что надо убивать, причем убивать надо как можно больше всех врагов, сразу, до конца, не оставляя никого ни в живых. При всем при этом это люди, которые мнят себя христианами, которые мнят и уповают на то, что и они тоже крещенные люди, и в то же время они говорят о своем христианстве, но говорят, что при этом надо вводить смертную казнь, надо убивать врагов, причем как можно больше и так далее. Все это началось не сегодня, конечно, но до какого-то времени эта борьба шла, но вяло, где-то подскудно.

Да, на кухне были обсуждения, да, за рюмкой чая велись отчаянные до слез и до хрипоты споры, но сегодня это носит характер действительно противостояния не на жизнь, а на смерть, когда супруги друг против друга, когда дети и родители друг против друга, брат и сестра друг против друга, друзья, единомышленники-прихожане даже,

[Говорящий 4]

и священники, и епископы друг против друга выступают, говоря про друг друга, ты вероотступник, ты нарушаешь заповеди, ты враг, причем не просто враг, а ты враг церкви и ты враг веры.

[Говорящий 3]

И с другой стороны слышишь то же самое.

[Говорящий 1]

Казалось бы, мы должны признать одну важную вещь, что Евангелие не истина, и поэтому говорить можно все. Нет, христианин с этим согласиться никак не должен, потому что Евангелие не подлежит ревизии, Евангелие подлежит переводу, и в целом Библия подлежит переводу, комментарию, изучению, уточнению, да, какие-то фразы библейские и новозаветные мы можем изучать, мы их можем редактировать в связи с открытиями древних языковых норм и правил, мы можем делать какие-то замечания, даже менять что-то, но в целом и по духу и по смыслу, в отличие от буквы, и по духу и по смыслу Библия ревизии не подлежит.

То есть не подлежат те основные нормы, этические нормы, которые стали нормами христианскими, и мы можем быть совершенно уверены и спокойны, что так оно и будет. Никто не может выступить против заповеди Моисеевых, доколог, десяти заповедей, никто не может выступить против заповедей блаженств и вообще в целом всей Нагорной проповеди и против Евангелия, никто не держит от выступа, по крайней мере из людей верующих или хотя бы уважающих авторитет Библии, в частности Евангелия. Но в самом Евангелии мы найдем для себя, для сегодняшней темы, многие неожиданные и трудные места.

Вот я хочу сегодня начать с одного такого места, которое, конечно, всем известно, но оно для сегодняшней темы, на мой взгляд, является очень не то чтобы показательным, но очень заманчивым, мы не можем его обойти. Я прочитаю этот кусок, это несколько стихов, и потом мы поговорим об этом. Это 10 глава Евангелия от Матфея.

«Вот я посылаю вас, как овец среди волков, и так будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей, ибо они будут отдавать вас в судилища, и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам что сказать, ибо не вы будете говорить, но дух отца вашего будет говорить вас.

Предаст же брат брата насмерть, и отец, и сына, и восстанут дети на родителей, и умертвят их. И будете ненавидимы всеми за имя мое, потерпевший же до конца той спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой, ибо истинно говорю вам, не успеете обойти городов Израилева, как придет сын человеческий.

Сын не выше учителя, слуга не выше господина. Довольно для ученика, чтобы он был как учитель его, и для слуги, чтобы он был как господин его. Если хозяин дома назвали Вильзевулом, не тем же более домашних его.

Итак, не бойтесь, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, что говорит вам. Не бойтесь убивающих тела, душу же может убить. Вот это место, в котором сразу бросается в глаза, что предаст брат брата на смерть, и отец сына, и восстанут дети на родителей, и умертвят, и будут ненавидеть.

В том же ключе и слова про и враги его, домашние его в этой же главе. Мы обычно воспринимаем, мы христиане обычно воспринимаем это место, как место, объясняющее нам смысл гонения на христианство. И действительно, во времена большевизма, например, во времена практически самого начала революции и до начала перестройки, гонение на христиан было именно таким, когда по доносу родителей, жен, мужей, детей, внуков, людей могли когда-то просто расстрелять, когда-то, по крайней мере, лишить каких-то социальных условий за веру.

Таковы были гонения, коммунистические большевистские гонения в Советском Союзе, буквально от революции и до начала перестройки. Сейчас не то, сейчас про другое. Но смотрите, люди, которые опираются и

заявляют о том, что они на основании Евангелия против войны подлежат таким же самым гонениям.

Я просто прочитаю стихи, которые просто здесь очень понятно становятся, что поведут вас к правителям и царям за меня для свидетельства перед ними и язычниками. То есть будут доносить, вас арестуют и вас поведут, как сейчас, допустим, если кто-то вышел с плакатом «блаженный миротворцы» или «не убей его», его арестовывают так же, как человека, который вышел с плакатом «долой войну» или еще что-нибудь. То есть все, что апеллирует к Евангелию, подлежит сегодня аресту, гонению, запрету и так далее.

То есть Евангелий в смысле вот этого мира «не убей» и «блаженный миротворцы». Ну хотя бы вот этих двух заповедей. Так что это место как раз совершенно очевидно про сегодня.

Но дальше больше, что на основании своего мнения, на основании каких-то идей, может быть раскол дома, когда предаст сын отца, отец сына, дети родителей, муж, жены, брат, сестры и так далее. И таких вещей тоже очень много. И даже если эти домашние расколы не приводят к арестам, к пыткам, гонениям и всем прочим, сами по себе расколы являются таким страшным событием для нашей семейной жизни, такой горечью, такими страданиями, такой досадой и таким унижением, что это иногда стоит нам здоровья.

Хорошо бы это не стоило жизни, хорошо бы, чтобы эти доносы не шли дальше. И Евангелие предостерегает от доносов, от доносительства и от провокаций почти на всех страницах, потому что во времена Иисуса это тоже было и доносили, и вели к судье, и вели к правителям, и вели к язычникам, то есть к врагам. И сегодня происходит то же самое.

Так вот, Евангелие предостерегает об этом, но говорит, да, это будет. И будет раздор в семье, будет раскол в семье, потому что истина одними воспринимается как спасение, другими воспринимается как угроза. Что же происходит сегодня?

Сегодня происходит вот что. Люди, которые имеют некоторое суждение о мире, о себе, то есть у них есть какие-то ценности, не только ценности евангельские, но ценности мировоззрения. Я не хочу говорить только политические ценности, это могут быть ценности этические, нравственные, духовные ценности.

Так вот, люди, которые имеют такие ценности, натываются на людей в семье и других, которые имеют прямо противоположные ценности. Мы живем в мире, в котором люди веруют настолько по-разному, буквально противоположно. То есть одни говорят, вот это белое, другие говорят, вот это черное.

Одни говорят, вот это победа, другие говорят, нет, это не победа. Вот одни говорят, что мы имеем право убивать, другие говорят, нет, вы не имеете права убивать. Одни говорят, что вот мы правы, а другие говорят, нет, вы не правы.

Одни говорят, мы победители, другие говорят, нет, вы проиграли. То есть буквально в самых базовых основных понятиях происходит вот это вот самое раскол. Причем у каждого есть своя система доказательств.

Есть свои аргументы, есть своя логика. Где-то эта логика становится иррациональной, она может быть, эта логика может быть логикой эмоций, логикой некоего исторического права, некоего прецедентного права, когда говорят, например, ну вот они вот так сделали, вот он так приказал, вот это так было, ведь вот это же делал так. Ну, например, так говорят люди, которые апеллируют, например, к преподобному Сергию, к Суворову и так далее, к святым или выдающимся людям.

Но ведь они же вот так делали. Это так называемый прецедентный прав. И это тоже своеобразная логика.

И понятно, что люди на нее опираются и говорят, но ведь это же вот пранк. Конечно же, есть среди аргументов вещи фантастические. Суеверия, разные вымыслы, откровенная ложь, это может быть совершенно фантастические какие-то теории заговора, все что угодно.

Но люди говорят откровенно, я верю, что это так. Я убежден, что вот это так. И вы когда встречаетесь, если вы до конца в логике своего собеседника попытаете его понять, то в конце концов вы придете к одной очень простой формуле.

Когда вам собеседник говорит, вот передо мной есть факты, вывод из которых я могу сделать вот такой. И вы понимаете, что если признать эти его факты, что они действительно имеют место, и применить вот этот метод мышления, то да, он прав. Вы говорите, но эти факты не верны, и метод мышления, который ты пользуешься, он ошибочный, он тебя ведет не туда.

А он говорит, извини, я вот такой выбрал метод мышления. Ты вот выбрал другой метод, ты выбираешь другие факты. Я считаю, что твои факты это вымыслы, это ложь, это все неправда.

И мы оказываемся почти в равных позициях, потому что нам нечего выбрать, нечего сказать общего. Мы не можем найти общий знаменатель, с которого мы сказали, ну хорошо, вот давай найдем что-то общее, то, чем мы совпадаем. И оказывается, что мы такой найти знаменатель очень часто не можем.

И мы оказываемся как бы на равных. И истина и ложь оказываются как бы на равных. Они говорят об одном.

То есть говорят как бы об одном, но с разных сторон, и вроде бы оба правы. Конечно, это победа дьявола, потому что отец лжи, дьявол, его одна из задач заключается в том, чтобы убедить человека, запутать человека и показать ему ложь в виде правды, и показать ему логику там, где логики нет, и показать ему такой метод мыслей, который на самом деле не может быть методом мысли, а который является просто суеверием. Но дьявол преуспевает.

И как мы видим, число людей обманутых настолько велико, что подчас мы теряемся перед цифрами. Мы когда смотрим на какие-то социологические опросы, мы понимаем, что мы в меньшинстве. В утешение христианину я должен сказать, что христианство всегда в меньшинстве.

И несмотря на то, что по сегодняшней статистике большая часть, то есть больше всего в мире среди людей религиозных, а религиозных людей в мире не менее 85%, так вот большая часть верующих людей в мире – христиане. Так вот среди христиан люди, которые веруют в Евангелие, остаются верными слову Христа в меньшинстве. Как-то не странно.

Это не то, чтобы это нас утешает, но, по крайней мере, в Евангелии этому Христос дает объяснение. Он говорит ему, да, враги человеку домашнего, да, именно дома, в семье будет вот этот самый раскол, с которым ты ничего не сможешь делать.

[Говорящий 2]

И это не преодолевается проповедью. Почему же?

[Говорящий 1]

А потому, что человек свободен, и человек выбирает для себя ту точку зрения, которая соответствует его взглядам, его образованию, его

характеру, его, может быть, личной истории, еще каким-то внутренним для него важным аргументом, который только он знает, который он принял. И тогда он подбирает себе ту информацию, которая ему нужна, те факты, которые ему укладываются в его теорию, и та логика, тот метод мышления, который для всего этого подходит. И получает вывод и говорит, ну, все, я убежден.

И когда вы встречаетесь с таким человеком, и оказывается, что у вас другая логика, другие факты, другие выборы, другой подбор информации, вы оказываетесь как бы на равных. И у вас растерянность, потому что, а что делать с человеком, который предъявляет вам такие факты? Вы можете в них не верить, но возникает вопрос.

Факты, события – это то, во что верят или то, что очевидно для всех? Вот тут надо сказать большую неприятность для всех нас, что само по себе некие явления, феномены, которые называются нами фактами, событиями жизни, это ведь тоже продукт человеческого мышления, а вовсе не объективной природы. Потому что, наблюдая природу и наблюдая поведение людей, наблюдая исторические явления, мы высказываем факты и говорим, вот это была победа, например.

Вот мы говорим исторически. Вот эта армия победила другую армию. А потом выясняется, что в результате этой победы армия, страна и государство, которое победило вроде бы, оказалось в зависимости от своего врага и проиграла.

То есть в ближайшей перспективе да, она выиграла, а в перспективе десятилетия она проиграла. И тогда что же является фактом? Победа или поражение?

[Говорящий 5]

А вот как хотите, так и делайте. То есть оказывается, что можно факты составлять. Мы авторы фактов.

Люди говорят, с точки зрения точных наук такого не бывает. Не правда, бывает.

[Говорящий 1]

Это бывает и в физике, и это может быть и в математике. Все зависит от точки наблюдателя, как сказал Эйнштейн. Теория относительности говорит, что даже скорость, с которой двигаются небесные тела, она зависит от наблюдателя.

То есть если вы будете ее измерять, то будете измерять с какой и с какой точки. С той точки, с которой вам будет удобнее наблюдать. Так что и тут тоже будут факты разные.

Существует ли единая логика? Существует ли единая, так сказать, научная, проверенная точка зрения? Ну, как вы знаете, ученые тоже спорят.

Как вы знаете, что в любой науке есть разные школы и разные подходы, разные взгляды. И это тоже огромная нравственная проблема для людей. Потому что когда люди приходят к ученым и спрашивают, а как правильно?

А ученые говорят, а вот есть такой подход, а есть такой подход. Особенно это раздражает людей, далеких от науки, в психологии. Потому что оказывается, что в психологии нет, ну, например, нет единой теории личности.

А их много теорий. И психиатры, например, врачи или философы говорят, как же так, что же такое за наука, у которой нет единой теории. Или, например, другой вариант, когда по отношению к богословию говорят, как вот душа, она произошла от души матери или от души родителей, или она от бога.

А в христианстве существуют разные подходы. Есть теоцентрическая теория, что от души родителей. И тут есть разные подходы.

Нет догмата о сотворении души человека или от рождения. То есть традиционализм рождения души. Или креационизм, сотворение души.

Да, даже вот в антропологии христианской есть разные точки зрения. И богословы говорят, ну нет, это неправильно. В богословии должна быть догмата.

И этим все определяется. В христианской антропологии таких догматов нет. Ни одного догмата по поводу человека, человеческой природы не существует.

Плохо или хорошо, это другой разговор, но нет. Так вот, оказывается, что мы, встречаясь с другими людьми и споря, мы встречаемся с другой логикой. Мы встречаемся с другим подходом.

Мы встречаемся с другим выбором. И тут вопрос. Мы признаем свободу человека иметь свое свободное мнение или не признаем?

И для этого опять есть вопрос. А мы с каких позиций смотрим? Потому что свобода, с точки зрения многих философов, психологов просто не существует.

Это фикция. Философская фикция, которая была придумана в средние века. Причем, ну да, не в средние, а в более поздние века, в новое время.

И которая, вообще-то говоря, не существует ни в философии, ни в точных науках, ни в психологии. И никакой свободы нет. Но если свободы нет, то тогда нет выбора свободного.

И тогда нет мировоззрения. Потому что мировоззрение выбирается. Точка зрения, убеждения, вера зиждется на свободе.

И отношение к современным идеологиям, к политике, к социальным вопросам, к гуманитарным вопросам тоже требует выбора. Выбора свободного. Если этого выбора нет, то тогда это не убеждение, это не вера, это не свободный подход.

Свободный подход, который мы с вами выбираем, требует свободы. Вот я сторонник такого-то подхода, а ты сторонник такого. Мы признаем друг у друга эту возможность, потому что мы с тобой свободны.

И я думаю, что одно из антропологических оснований, и библейских, и общечеловеческих оснований – признание друг за другом права на свою точку зрения. Это основание – признание свободы. И для меня признание свободы – это прежде всего библейское понятие, потому что именно Библия верит в человека как в свободного существа.

Иначе тогда не было бы веры. Понимаете, вера уже акт свободы.

[Говорящий 2]

Событие выбора – событие свободы. Если вера есть, значит есть свобода.

[Говорящий 1]

Если есть ваше убеждение, если вы убеждены в своей правоте, значит вы реализовали уже свою свободу. По-другому быть не может. Потому что если ваш выбор детерминирован определенными обстоятельствами или кто-то воздействует на вас, и вы, соответственно, приняли ту или иную позицию, тогда это не ваша позиция, чья-то, а вы всего лишь марионетка.

Ну и тогда о чем мы здесь говорим? То есть если нет между верой и убежденностью, тогда о чем мы говорим? Когда нет веры, нет верования.

И, кстати говоря, тогда вообще вся вера в Бога – это не вера, а это всего лишь некоторый феномен зависимости социально-культурных условий, как многие хотят изобразить религиозную веру людей. Действительно, в современных социальных теориях так иногда считается. Но мы, христиане, думаем об этом по-другому.

И для современного христианина выбор веры – чрезвычайно важный момент. Это точка свободы, точка выбора человека, добровольного. Так вот, если мы уважаем свободу, то мы должны уважать право человека на его убеждения.

[Говорящий 2]

Не убеждения уважать, а право человека на свои убеждения.

[Говорящий 1]

Я встречаюсь с человеком, который считает – вот я говорю сейчас о своем опыте – который считает, что убийство десятков миллионов граждан СССР от начала революции октября 1917 года и кончая большим террором, что это и есть абсолютное зло, зло дьявола. А человек говорит мне – нет, это не зло, это нормальный социальный процесс, это процесс социального отбора, это политическое право победившего большинства и это формирование нового государства, нового народа. Власть имеет право.

Вообще говоря, это одна из проблем русской истории – имеет ли государство право отнимать жизнь у людей. В России всегда это была проблема, потому что в России было как-то принято считать, что да, государство имеет право на жизнь и смерть людей. Это вроде не подлежит обсуждению.

И только за последние сто лет появились другие социальные теории взгляда о том, что вообще-то говоря нет, что никто не имеет права отнимать жизнь у человека, и государство тоже. До сих пор это спор. Как вы знаете, сейчас опять политики обсуждают возвращение смертной казни.

И это как раз спор о том, а имеет ли право государство отнимать жизнь людей. Так вот этот спор опять возвращается, и это вопрос о свободе. Не о свободе физической тюрьмы, а о свободе иметь свою точку зрения.

Если мы не свободны, то вера наша тщетна.

[Говорящий 2]

То есть нет подвига веры. Если нет свободы, нет подвига веры. И когда человек говорит «я верую», нет.

Если у тебя нет свободы, ты не веруешь.

[Говорящий 1]

Ты по каким-то причинам выбрал веру, но это не твой свободный выбор, а это стечение независимых от тебя обстоятельств, а на самом деле это определенные социальные закономерности, биологические, социальные. Вот ты здесь, вот ты, так сказать, православный человек. И тогда нет никакого твоего, никакой заслуги в этом твоей, нет, что ты веруешь, что ты говоришь «я верую».

Значит, признав свободу, признав право человека на свои убеждения, на свой выбор веры и безверия, кстати говоря, да, это равносильно, и признав право человека, мы должны признать, что дальше человек имеет право выбирать те убеждения, которые соответствуют его взглядам. И вот тут я должен сказать одну очень важную вещь, которую обычно как-то не проговаривают, о том, что нельзя заставить человека верить против собственных убеждений. Выглядит немножко фраза, конечно, либо тофтологически, либо как-то, ну, совсем иррационально.

То есть не пропаганда делает человека убежденным в том, что белый есть белый или что белый есть черный, а человек выбирает ту пропаганду, которую он хочет слушать. Поэтому, когда говорят, что вот зомбирование телевидением или там зомбирование пропагандой, там радио или еще чем-то, я в это не верю. Потому что и телевидение, и все каналы интернета, и тексты, и книги – все это человеком выбирается.

Человек сам выбирает, что ему смотреть, что ему слушать, что ему нравится, что ему не нравится. В конце концов, телевизионный пульт, на который человек нажимает, ну, такой есть примитивный инструмент выбора. Он нажимает на кнопку «1» или нажимает на кнопку «116» или там «208».

Это же выбор. Один смотрит «Дискавери», а другой смотрит канал «Москва-24». У всех свои выборы, у всех свои приоритеты.

И это тоже часть человеческой свободы. Поэтому, когда говорят, что вот пропаганда сделала человека убежденным в тех фактах, которые там дают, нет. Человек выбрал этот канал, выбрал эти факты, он выбрал вот эту логику.

Это его логика, и он имеет право на такой выбор. Что же получается? А получается, что нам нужно уважать мнение другого человека, каким бы оно ни было.

Еще раз цикочка. Почему я уважаю мнение, которое мне как нож по сердцу? Я не могу слышать этого.

Я сейчас про себя говорю, не только про вас. Потому что я тоже самое чувствую, когда мне, как внуку расстрелянных дедов и дедов, сидевших в лагере по 20 лет каждый, говорят, что большой террор была необходимость политическая, что это было правильно. Я не могу это слушать.

Но я делаю над собой усилие с тем, чтобы понять, что человек вот так он верит, вот он так понимает историю, такая у него идеология. Это его выбор.

[Говорящий 2]

Выбор, я должен его уважать.

[Говорящий 1]

Не содержание выбора, а его выбор, его право на этот выбор. И вот я убежден, что если мы реализуем такую свободу, болезненную для каждого из нас, но тем не менее, уважение друг к другу и признание прав выбора, если мы реализуем, то мы тогда можем вместе сидеть за столом и пить чай. При всем при этом мы будем смотреть на вещи прямо противоположным образом, да.

Но мы будем уважать право другого на его точку зрения. Многих людей это не устроит, я знаю. Все они скажут, не могу, я не могу сидеть за столом, я не могу находиться в одном из человек, который так себя ведет, так думает.

Вот как он? Он убийца, он в крови, он предатель, он пятая колонна, он и так далее, и так далее. Я с ним не могу.

Но это эмоции, это чувства, их можно понять. Но оснований наши, именно христианских оснований, потому что как раз признание свободы и право на мнение и на веру, это как раз христианский пункт, это очень важный для нас. Поэтому если мы уважаем друг друга и уважаем мнение, то мы можем это вытерпеть и мы можем найти для себя и для своих друзей, для своих близких, мы можем найти те основания, на которых мы с ними общаемся и продолжаем разговаривать.

Некоторые говорят, что лучше вообще не говорить ни с кем на эти темы. Да, это один из выходов, одно из решений. Но, к сожалению, это не всегда получается, потому что события, которые вокруг нас происходят, нас втягивают в эту воронку, в воронку войны мы все втянуты, мы никуда не денемся из нее, все, совершенно все.

И рано или поздно мы сталкиваемся с какими-то явлениями, которые зависят от нашего выбора. Так или иначе, мы нарушим свой обет молчания, где-то мы столкнемся и какие-то высказывания приведут нас опять в конфликт. Ничего страшного, мы опять и вновь начнем с уважения друг к другу и начнем говорить о том, что да, я понимаю, что ты так веруешь, ты так думаешь, но я думаю иначе, и я буду держаться своего мнения.

Но при всем при этом мы можем сидеть за одним столом и пить чай. Гораздо сложнее, когда это касается супругов, когда им вместе не только пить чай, но и спать в одной постели, а они при этом могут быть очень разных точек зрения, прям противоположно. Например, один мужчина говорит, я пойду на войну, а жена его говорит, да он просто с ума сошел, куда он пойдет на войну?

Я-то как раз считаю, что вот он не имеет права идти, и вот другая женщина говорит, ну как же, вот он читает там вот это, вот это, вот это, а я не могу это слушать, я не могу, я считаю совершенно противоположное. И они друг с другом спорят, и они, зная друг о друге, они ссорятся, конфликтуют, доходят до скандалов домашних. Что же делать?

Ну да, вот один вариант из компромиссных, я уже назвал, это не говорить по политике, но это, конечно, плохо удастся. А второй вариант, это несмотря на то, что можно говорить, но тем не менее делать над собой усилие с тем, чтобы всегда уважать мнение другого.

[Говорящий 2]

Но в супружестве это очень трудно.

[Говорящий 1]

Очень трудно, потому что общение супружеское, оно очень эмоциональное. Оно не сколько ментальное, сколько именно эмоциональное. И вот в этом эмоциональном отношении друг к другу идеологическое противостояние никак не спрячешь.

Оно прямо колом стоит между нами. И это огромная проблема, духовная проблема. Можем ли мы с супругой преодолеть наши идеологические разногласия, чтобы продолжать любить друг друга?

[Говорящий 2]

Я убежден, что да.

[Говорящий 1]

Но для этого надо сделать какое-то над собой удивительное духовное усилие. С тем, чтобы любить человека, который думает не так, как ты. Но ведь и то сказать.

Мы же по многим вопросам можем быть между супругами несогласны. У нас могут быть точки зрения на разные вопросы. Почему этот вопрос, почему вот этот идеологический вопрос, о котором сейчас мы все говорим, так задевает нас больно?

Тут есть масса объяснений, достаточно простых. Во-первых, потому что у нас у всех разная семейная история. У нас есть украинские корни в каждой семье.

В моей семье тоже есть. У меня бабушка из Киева, прабабушка из Одессы. Так что я сейчас связан с архивами Одессы, Николаева, Киева.

Разыскиваю документы своих родственников. Это, конечно, тоже для меня в какой-то степени часть моего рода. Мой родословный уходит туда.

Во многих семьях есть просто-напросто разные бабушки, дедушки. У моих знакомых, у моих родственников. Кто-то еще живет там, кто-то переехал, кто-то родился у кого-то дома, у кого-то друзья.

И у меня тоже есть друзья и в Киеве, и в Харькове, и в Днепре. То есть мы связаны так плотно, мы две страны, два народа так плотно связаны, что, конечно, противостояние военное отражается в противостоянии семейном. Мы от этого никуда не денемся, потому что очень близкие родственные связи.

Фактически это гражданская война между нами, между отцами и детьми, между братьями и сестрами, между супругами. У меня был случай еще тогда, в 2014 году. Я не помню, когда вот это вот была борьба, война за Донецкий аэропорт.

2015 год это было, 2014, не помню. Но там как раз погиб один племянник моего знакомого, который живет, кажется, в Киеве. А другой племянник живет в Москве.

И вот он поехал навестить своего деда, они заехали вот к этому дяде. И дядя ему сказал, а ты помнишь брата?

[Говорящий 2]

Брат погиб в Донбассе.

[Говорящий 1]

А второй племянник, который в Москве, он военный, он служит в армии. Он, понимаешь, в одной семье. И это есть гражданская война.

Это очень страшно. Считается, что гражданская война очень страшная и самая, может быть, ожесточенная. Но вот таких случаев, вот этого семейного противостояния, их, к сожалению, очень немного.

И это всегда очень тяжело. Поэтому семейные вот эти противостояния, они болезненные очень. Но мы ничего с этим сделать не можем.

Мы не можем о них избавиться. Почему еще, важно понимать, почему еще эти противостояния так болезненные? Я думаю, что здесь уже есть психологические закономерности.

[Говорящий 2]

А именно, мое убеждение всегда держится на какой-то моей логике, на моем представлении о фактах.

[Говорящий 1]

И вдруг, если среди моих фактов какой-то обнаруживается как ложь, ошибка, недостоверный, я должен отказаться от этого факта, выбросить его из своей колонии. Ну и в логике я могу усмотреть, если я честен перед собой, я могу усмотреть ошибку. И при замене, при исправлении этой ошибки я могу прийти к другим выводам.

То есть критическое отношение к своим убеждениям, к своей вере, к своим знаниям, как я считаю, может лишить меня моей правоты, моей убежденности. И это очень болезненно. Потому что моя убежденность – это моя эмоциональная стойкость, моя эмоциональная стабильность.

Я не просто ведь признаю факты, например, как я признаю таблицу умножения. Если, предположим, в таблице умножения будет ошибка, мы

исправим ошибку, будем по-новому считать. Никаких эмоций тут особенных я испытывать не буду.

Если равенство равновесия треугольников будет доказываться не так, а по-другому, то же самое. Мы тоже с вами особенно переживать из-за этого не будем. Если дело касается процентного соотношения в какой-то химической реакции серной или соляной кислоты, мы пусть, ну, вдруг ошибку-то нашли, исправили, но это нас эмоционально не касается.

То же самое также не касается, не коснется нашего сердца, если мы вдруг обнаружим ошибку в том, что, скажем, число погибших на Бродинском поле на самом деле не 10 тысяч, а 20 тысяч. Да, это жизни людей, это очень страшно, но никого это так не задеет. Но то, что сейчас разделяет людей, задевает их очень сильно.

Почему же так оно задевает? Потому что, встречаясь с чужим мнением, у нас возникает страх. Бессознательный у кого-то, у кого-то осознаваемый страх, что я не прав.

[Говорящий 3]

А что, если логика другого человека верна, а моя нет?

[Говорящий 2]

А что, если факты другого человека верны?

[Говорящий 1]

Я могу не осознавать этого страха, но этот страх действует на меня парализующий, вызывает во мне, может вызывать во мне бурь эмоций, может вызывать во мне агрессию. Потому что страх рождает агрессию. Это известная такая цепочка.

Для того, чтобы защититься от страха, я становлюсь агрессором, потому что, когда я нападаю на другого человека, я снижаю и свою тревогу, и свой страх. Так вот, в спорах очень часто агрессия против соперника, в данном случае соперника идеологического, может означать мой страх потерять свою убежденность.

[Говорящий 2]

Именно эмоциональную убежденность. Потому что фактическая, то есть содержательная, научная убежденность не так людей ранит. Понимаете, что касается истории, понимания истории, меньше возникает напряжения.

[Говорящий 1]

Почему нам так трудно сейчас обсуждать историю Великой Отечественной войны? Потому что она близка. Потому что в каждой семье есть следы этой Великой войны.

Трагические и, может быть, очень торжественные. И это не все равно нам, поколению, поколениям, тем, которые сейчас живут, не все равно. Поэтому это горячо.

То есть мы, как народ, переживший Великую Отечественную войну, еще не готовы к хладнокровному и объективному отношению к истории. Пока еще не готовы. А вот революционные события уже можем обсуждать.

На сегодня очень много приходит уведомлений о том, что такая книжка, такая вышла книжка про историю революции или гражданской войны. И что вы думаете? Ну, реакция, наверное, бывает очень незначительная.

То есть кто-то интересуется этими книгами, кто-то нет, но они так остро не обсуждаются. Но если это книга о Великой Отечественной войне, о фактах или каких-то новых точках зрения, то это все бывает очень и очень остро и в спор. Значит, тут вопрос в том, что непереносимость чужого мнения может быть связана с бессознательным страхом своей неправоты, ошибочностью своих взглядов.

И вот тогда возникает очень острая реакция, и она уже будет нелогической, она будет эмоциональной и она будет агрессивной. То есть моя задача не в том, чтобы поставить вопрос, а что же истинно? Моя точка зрения или его точка зрения?

А в том, чтобы уничтожить врага с его точки зрения, потому что его точка зрения угрожает напрямую убежденности моей точки зрения. Почему так тяжело человеку признать свою неправоту? Потому что если это вера, если это убеждение, то это очень глубоко эмоциональная структура личности.

Она эмоционально горячая, она вызывает бурю эмоций. Но еще другое.

[Говорящий 2]

Моё убеждение и вера подтверждают мне мою ценность.

[Говорящий 1]

Если я прав, то я ценность, я могу себя уважать, мое достоинство, моя ценность измеряется моей правотой. А если я не прав, то значит тогда что? Тогда значит я не могу рассчитывать на свои достоинства, значит я глуп, значит я ошибся, а я боюсь унижения больше всего.

Вот тогда подозрение в своей неправоте попадает в очень болезненную точку человека, в утрату его самооценности. А это одна из самых фундаментальных базовых потребностей личности, по которой бьет бессознательный страх. Бессознательный страх своей ошибочности.

Поэтому очень многие убеждения, прежде всего вера, так агрессивно отстаивают со своими адептами. То есть люди готовы убивать друг друга за свою правоту, но на самом деле не за правоту, а за право уважать себя и относиться к себе как к безусловной ценности. И тут, конечно, две духовные ошибки.

Духовные и психологические ошибки. Ошибка первая заключается в том, что ценность человека не зависит от его правоты. А вторая ошибка заключается в том, что критическое мнение другого человека, оно не может угрожать, не может поколебать моего достоинства, которое не связано с другим человеком.

То есть вступая в какой-то спор с другим человеком, мне не угрожает моё как бы духовное падение, унижение. Если я в споре проигрываю, если я не прав, это нисколько не унижает меня. Иногда даже наоборот.

Потому что правота и достоинство – совершенно разные вещи. Можно ошибаться и чувствовать своё достоинство и высоту своего духа.

[Говорящий 2]

И наоборот.

[Говорящий 1]

Можно быть правым, но чувствовать себя таким незащищённым, таким беспомощным и таким неценным, ничего не значащим. Многие люди, высказывая совершенно точную, правую и научную или просто мировоззренческую точку зрения, при этом чувствуют, что они никто. Они не имеют права даже на это.

Многие люди, обладая убеждением и способностью аргументировать свои взгляды, молчат. Молчат только потому, что они убеждены. Право говорить у них нет.

А кто они такие, чтобы говорить о своей точке зрения? А при всём при этом они верно судят и правота за ними, но они молчат. И наоборот.

Может быть неправая точка зрения, но обладает таким агрессивным представлением себя, что всем кажется, ну вот он же прав, он же так убеждённо говорит.

[Говорящий 3]

Это две духовные ошибки. Как исправить достоинство человека от его точки зрения?

[Говорящий 1]

Не зависит. Оно из другой области. Достоинство человека дано Господом человеку, дано его образом и подобием, то есть тем самым божественным, антологическим, то есть бытийным статусом до всякого образования, до его правоты, до его аргументированности, логики и так далее.

То есть достоинство человека, который может доказать свою правоту или который не может доказать свою правоту, одинаковое достоинство перед Богом одно. Это образ и подобие Божие, которое дано нам всем, причём дано вне зависимости от наших убеждений. Тут есть одна для нас очень важная вещь.

Значит, если это так, если мы признаем, что Бог дал каждому человеку право быть своим образом и подобием, значит, что наш враг, заклятый враг тоже подлжит божественному спасению. Он тоже у Господа, и что я с ним там, со своим врагом, вот там в Царстве Христа встречу, и мы будем там вместе. Сколько бы мы здесь не спорили, сколько бы мы здесь не мечтали о выничтожении, физическом или виртуальном уничтожении мнений другого человека, своих оппонентов, там-то мы встретимся.

Будет ещё другой момент, будет страшный суд, момент истины, где каждый из нас встретится с истиной лицом к лицу и точно будет знать. Я не знаю, будет ли говорить, будем ли обладать правом говорить на страшном суде, но мы знать точно будем, в чём истина, и мы убедимся в правоте или неправоте своих слов в этот момент, в эту секунду. Даже спорить не будем, потому что нам будет понятно, что истина вот она, и она так приятна, и она так значима, что, конечно, мы от неё не откажемся.

Но оказывается, что и другой, тот самый мой горячий оппонент, с которым мы никогда не могли договориться, он с той же самой истиной дружил, как и я. Как же так, скажет человек на страшном суде. Ведь у нас были разные логики, разные факты.

Господь скажет, ну посмотрите, вы же хотели одного и того же, вы же веровали примерно в одно и то же, вы веровали в истину, вы веровали в то, что добро побеждает зло.

[Говорящий 2]

Ну вот, вот оно и победило.

[Говорящий 1]

По-разному это доказывали, и разными фактами у вас получалось разное. То, что у вас у одного дважды два – это пять, а у другого дважды два – это три, ну что ж, поделаешь, ну так у вас получалось, ну такая у вас наука, ну такая у вас арифметика. Но всё равно дважды два – четыре.

Это же ведь не от вас зависит, а это от меня, скажет Господь.

[Говорящий 3]

Но это будет не скоро.

[Говорящий 1]

Мы когда-то предстанем на страшном суде, ну а пока мы здесь. И пока мы должны понимать, что в своей семье, в своей постели, на работе, с друзьями мы разных точек зрения. И это нисколько не умаляет наше достоинство.

Мы можем уважать друг друга и тем самым своё достоинство подчёркивать. Если я уважаю своего оппонента, как бы он меня не называл бы отвратительно и поносил, неважно там, на Фейсбуке или на улице, обливал бы краской, называл бы непристойными словами. Но если я его уважаю, уважаю его как образ и подобие и уважаю его право иметь свои суждения, нисколько не солидаризируясь с его точкой зрения, нисколько, то я и себя таким образом уважаю.

И говорю ему, да, я слышу тебя. У меня другая точка зрения, совершенно другая, я считаю, что вот так и так. Но это не мешает, мне тебя уважают.

[Говорящий 2]

Мы можем даже вместе попить чай, если ты согласен. И мне кажется, вот такая побега на самое главное сейчас. Это не означает толерантность.

Нет. Нельзя быть терпимым к злу и к неправде. Нет.

Неудачное явление, как толерантность.

[Говорящий 1]

Потому что истина есть, потому что она нам известна, нам, христианам, она нам известна. И на белое нельзя сказать, что оно серое, а на черное нельзя сказать, что оно чуточку белое. Нет.

Из белого есть черное. И что? От наших точек зрения ничего не меняется.

Евангелие остается Евангелием, Библия остается Библией.

[Говорящий 2]

истина остается истиной, и не убить остается не убить, и блаженны миротворцы, и блаженны милостивы, и все прочее, что из этого следует, мы это говорим, но я знаю, что тебе это не нравится, я знаю,

[Говорящий 1]

что вы это по-другому понимаете, я знаю, мне приходится каждый день, почти каждый день вести подобные разговоры, вот сегодня не было, нет, сегодня был, был, да, но почти каждый день возникает подобные диалоги, и да, приходится смиряться с тем, именно смиряться, вот тут я бы назвал не толерантно с теми смирениями, с тем, что твой собрат, твой близкий тебе человек считает, что черное

[Говорящий 2]

это белое, а белое это черное, вот для него это по-другому звучит, для него это белое, а для меня это черное,

[Говорящий 1]

зло это добро, а добро это зло, и пока мы не предстанем так, мы с ним истину, видимо, не выясним, хотя, может быть, и здесь произойдет, здесь тоже еще есть время чудес, когда люди меняют свои мнения, и, может быть, мы примиримся, это, конечно, хочется, это приятно, но по сути дела это ничего не меняет, с точки зрения самоуважения моего и его, моего оппонента, это не меняет, мы по-прежнему остаемся с уважением друг другу, с уважением к свободе и к мнению другого человека, ну вот, я все, что планировал или почти все, что планировал, сказал, и теперь я хочу посмотреть, есть ли вопросы, вопросов немного, но, тем не менее, бывает не только, спрашивает Мария, идеологические разногласия между супругами, но и решения, основанные на мировоззрении, например, эмигрировать или остаться, один супруг хочет уехать, другой не хочет уезжать, и как принимать решение, да, это очень сложная ситуация, я много таких примеров знаю, и знаю, что если это будет, это будет решение, которое для одного из супругов будет вынужденным, насильем, то это придет к очень плохим результатам, и рано или поздно, либо семья

вернется на свою родину, либо разделится, не скажу разведется, но может разделиться, таких примеров очень много, когда супруг остается в одной стране, а супругу возвращается на родину, это действительно очень сложное решение, очень болезненный, миграция, это очень болезненный процесс, длинный, долгий, и он поколенческий, то есть миграция, это означает смена очень много чего, поэтому все-таки большая часть, вот должны мы с вами сказать, у нас есть несколько в нашей библиотеке семинаров про миграцию, как минимум три, если я не ошибаюсь, в этом году тоже был, кажется, в январе про миграцию, так вот, мигрируют не более трех процентов населения земного шара, по данным ООН, может быть больше, по некоторым, но все равно это вот небольшой процент, ну может быть 6 процентов в некоторых моментах, то есть большинство населения земного шара, это люди-оседла, живущие в своих городах, в своих деревнях, на своей земле, так что это все-таки небольшой процент, люди, которые способны переезжать, поэтому да, конечно, нужно договариваться, понимаю, что у супругов могут быть разные точки зрения, надо добиваться единого, надо добиваться согласия, потому что насильно уезжать вот так, просто принуждать к переезду, это очень опасно, если муж хочет уехать, а жена боится последнего, она должна подчиниться, нет, подчиняться не должна, а должна свои страхи и свои аргументы излагать, и это серьезная работа, которую я знаю, супруги ведут годами, бывают события, которые вдруг подхлестывают такие решения, вот в том числе, как сейчас, но все равно это решение только может быть обоим, иначе в семье быть не может. Спор идет между христианами, которые толкуют Библию по-разному, я знаю, что истина не убий, но мой оппонент толкует Библию противоположным образом, да, я тоже знаю, сталкиваюсь с этим постоянно, почему христиане видят одно и то же в разных красках, должно ведь быть единство в ключевых вопросах, я согласен, должно быть единство, но когда вы слышите, что заповедь не убий трактуется по-разному, то есть как бы христиане говорят, да, Господь заповедь такую дал, но в некоторых случаях можно убивать, в каких, ну например война, а еще в каких, ну например смертная казнь, а еще в каких, ну например, когда нужно защитить кого-то нападающего с ножом, с топором, а по-другому его защитить нельзя, как только его, в него там выстрелить или его, так сказать, там тоже топором остановить, ничем там, чем хотите, да, но это не ключевой вопрос, это не убийство человека, а это защита, а где защита, а где нет, вот там нападение является лучшей защитой, говорят в этом случае христиане, забывая о том, что эта фраза не христианская совершенно и она как раз противоречит духу Евангелия, потому что защита и агрессия против угрозы это прямо противоположный

[Говорящий 2]

то есть страх агрессии не разрешение на нападение, не разрешение на убийство, если ты боишься

[Говорящий 1]

агрессии, если ты подозреваешь врага в агрессии против тебя, готовься защищать, но не нападай сам никогда, в этом смысле этот ключевой вопрос достаточно ясен и с точки зрения государственных политических решений, то есть военных доктрин христианских стран, мы, в общем говоря, в истории можем прийти достаточно к ясному убеждению, тут нету проблем, кто начал первую мировую войну Германия, нет никакого вопроса, да, Германия объявила войну тройственному союзу, а кто, да, ну и конечно же там ответственность России, которая объявила войну Германии, объявила войну, объявил напала, напала, тут все понятно, нет вопросов, две христианские страны напали друг на друга, вот, но когда речь идет о, скажем, не христианских странах, тут все сложнее, потому что в других религиях нет такого, нет неубийства, заповеди неубийства нет, хотя заповеди Авраама, они вроде бы для всех Авраамических религий, для иудеев и для ислама, они бы одинаковые, но нет, это все-таки другие, другие религии, другие этические нормы, поэтому когда про христиане мы можем говорить, и там может быть ясно, мы можем достичь, но ведь ваш оппонент может вообще говоря и не желать с вами выяснить истину, он просто этого не хочет, потому что он знает, что если довести до логического конца, то он должен будет признать вашу правоту, и он не позволит вам дойти до Евангелия, до этого простого понимания, он скажет нет, имеем право, ну что вы сделаете, это я не говорю о том, что он прав, я говорю о том, что у нас есть ресурс уважать его позицию, мы верим, что на страшном суде мы увидим истину по всем спорным вопросам, Бог откроет нам все, что на самом деле происходило в мире, да, верим, откуда мы это знаем, но в Евангелии сказано, как же, все там отчетливо, когда мы читаем перед великим постом Евангелия о страшном суде, ну конечно там все четко написано, что разделит Господь козлищ и овец, одних по левую, другую по правую сторону, причем он там даже объясняет, за что одни будут там, а другие будут там, там все очень четко, там есть заповеди Моисея, заповеди и Нагорная проповедь, в Нагорной проповеди все тоже ясно, вот это и будет, как вы это пишете, отличить одно от другого, там все будет ясно, а что делать, если друзья говорят, что они не хотят общаться, даже не слышат логику и отрицают очевидные факты, при этом говорят, что не позволят думать иначе, это их право, вот они не хотят и все, вот это, если вы уважаете их право вот так себя вести и не хотят с вами общаться, потому что у вас разногласия, это их право и мы не можем их обвинять в том, что они нарушают этику, есть этическое право на свою точку зрения и на общение, горько, больно, ну что было, как воспитать в себе самооценку и достоинство уже во взрослом возрасте, спрашивает

Оксана, ну вот здесь мы могли бы устроить дискуссию, потому что есть Наталья, есть Майя, есть Елена, есть Диана и кто-то еще, кто же прошел в нашем институте длительный курс по самооценности, но коротко сказать, это в общем психотерапевтический и духовный и психотерапевтический процесс, длинный, сложный, но он есть, в нашем институте есть, согласно, что человек сам выбирает пропаганду, а как быть с пожилыми родственниками, а что они не люди, что они не выбирают, у них небольшой выбор, как правило, это почему, у них такой же выбор, как у вас, не унижайте их, пожилые родственники тоже уважаемые люди, у них тоже есть точка зрения, понимаете, моя мама, которая умерла в 90-го года, она пользовалась интернетом, но она и телевизор смотрела и голосовала за Путина, и знаете, она почему мне сказала, я говорю, почему же ты голосуешь за Путина, ты же все знаешь, твоего отца расстреляли, НКВД, как же ты можешь голосовать за Путина, а она говорит, я боюсь, чтобы тебе не было хуже, мама не за себя боится, за сына, вот, так что кнопки телевидения тоже пожилые люди выбирают, это тоже выбор, не думайте, что они совсем выжили из ума, если на меня наставили пистолет, я могу выжить, только предупредив, выставив, я вынуждена принять решение, умереть или стать убийцей,

[Говорящий 2]

стреляйте, стреляйте, но только не думайте, что вы заповедь Божия при этом выполняете, вот смотрите,

[Говорящий 1]

не осудит вас Господь, что вы защищались, убив того, кто на вас нацелился, может быть, он и не хотел вас убивать, и может быть, у него там пуль не было, а может быть, это и пистолет-то был плазмасовый, но в этот момент вы этого знать не могли, стреляйте, защищайте себя, но только не надо думать, что вы

[Говорящий 3]

реализуете Евангелие, вы все равно убили человека, защита не делает убийцу героем, победителем,

[Говорящий 1]

убийца есть убийца, и это страшная трагедия, если вы по ошибке убили человека, это страшная ошибка, это может быть и не грех ваш, но вы никогда этого не забудете и никогда этого себе не пустите,

[Говорящий 3]

таких ошибок-то очень много происходит, когда люди по ошибке убивают другого, очень много,

[Говорящий 1]

он на меня наставил нож, а потом, да, и я его убил, в суде идет объяснение, вы видели этот нож, да, я этот нож видел, но мы его не нашли, никакого ножа, нет ни следов, ни отпечатков, ничего, а вы говорите нож, да, нож был, я видел, куда он делся, не знаю, а когда он упал после вашего выстрела, вы видели этот нож, нет, не видел, и вот возникает вопрос, померещилось или действительно нож был, а что может сказать следствие и суд, вот, а так бывает, это я говорю о преднамеренных убийствах, когда человеку действительно угрожает ствол или угрожает нож или угрожает топор или еще что-то там, какая-то реальная угроза, а сколько бывает угрозы нереальной, когда человека убивают, да, это страшная трагедия, но она не перестает быть трагедией и Евангелие не покрывает эти трагедии, это трагедии, здесь нельзя сказать, что человек нарушил Евангелие, но и не стал праведным, то есть если вы защищаете

[Говорящий 2]

других людей, себя защищаете от убийцы, это несправедность ваша, это нормальная житейская ситуация,

[Говорящий 1]

то есть надо различать исполнение заповеди, праведность и грех, между грехом и праведностью есть еще большой зазор для поступков, которые, конечно же, подлежат моей ответственности, но не имеют четкой этической позиции, грех это или не грех.

С какого возраста с ребенком можно разговаривать уже как на равных, то есть не оспаривать его точку зрения? Ну, на равных никогда, потому что вы родитель, Дмитрий, а ваш ребенок – ваш ребенок, сын или дочь, поэтому на равных вы с ним никогда не сможете разговаривать, но вы можете уважать ребенка как самостоятельную личность, которая имеет право на свою позицию, даже маленький ребенок, даже если он не может вам доказать, не может ничего сделать, он имеет право на чувства, он имеет право плакать, капризничать, просить, требовать, даже не понимая чего.

Ребенок хнычит, ребенок начинает бить палкой все вокруг, а вы понимаете, что ребенок голодный и когда он голодный, вы уже это знаете как родитель, у него начинается такое девиантное поведение, а он не виноват с точки зрения греха, потому что он не руководит собой, у него такие эмоции возникают на почве падения сахара в крови, он начинает творить вот такие вот вещи, вы это знаете, но что же, он имеет право на чувства? На чувства имеет право, конечно, хотя он еще не до конца сформировавшаяся личность, но он все равно имеет право на свои

достоинства и свои чувства, то есть можно оспаривать не точку зрения, а его право на чувства.

Предупредив выстрел, имея в виду сама выстрелив или зарезав ножом. Да, я понял, да, даже если вы это сделаете и это будет ошибкой, то с евангельской точки зрения вас не осудят как преднамеренную убийцу, но праведности здесь христианской нет, убийца есть убийца, это тяжело, даже если вы не виноват, даже если это убийство оправданное или по ошибке, оно все равно убийство, так что заповедь остается той же самой, если можете, не убивайте, но если другого, так сказать, нету исхода и нужно остановить убийцу, тогда стреляйте, дай бог, чтобы вас никогда это не коснулось, смотри, ни ножом, ни пистолетом, просто вы же не знаете, что это такое, вы не знаете, что такое убить человека, никогда в вашей жизни прежней не будет, что делать, если невыносимо, тяжело слушать противоположную точку зрения, остается ощущение, что сдерживаясь от доказательств ему и неправоты, мы утилизируем свою жизнь, это невыносимо, но, во-первых, вы всегда можете сказать, что я не согласна, этого достаточно просто, я не согласен, во-вторых, если вы можете, попросите, чтобы эту точку зрения он не высказывал при вас, потому что я другой точки зрения, мне больно и невыносимо слушать, если можно, если можно, вы уходите, чтобы не слушать, чтобы это вас не раздражало, то есть выхода два, первое, либо просто заявлять о своей другой точке зрения, чтобы ваш оппонент знал, что вы другой точки зрения и вы не согласны с ним при всей системе уважения, но он имеет право высказывать свою точку зрения, как и вы имеете право, либо вы с ним договариваетесь вместе, что вы не будете вслух произносить, либо вы договариваетесь о том, что он высказывает, вы высказываете, либо вы избегаете разговоров или встреч, тут есть масса возможностей, но я уже говорил об этом, что доказать друг другу ничего невозможно, но поскольку мы либо любим друг друга, либо обязаны быть вместе, то нам придется сосуществовать друг с другом в этих условиях.

А можете в нескольких словах охарактеризовать Путина, ваше мнение хочется знать? Ну, мне неинтересно это мнение высказывать, мне вообще неинтересен этот человек, для меня, понимаете в чем дело, я ни разу не выскажу здесь никакого оригинального мнения, я внук и правнук расстрелянных дедов, в моей семье многие пострадали и для меня любой офицер НКВД, КГБ, ФСБ, неважно как они себя будут называть, несет ответственность за разорение моей семьи и за катастрофу, которую он строил с миллионами людей, миллионами людей, поэтому Путин для меня остается офицером НКВД, КГБ, ФСБ, как хотите его называть, я отношусь к нему прежде всего так, но это мое личное

[Говорящий 2]
право.

[Говорящий 1]

Если я вижу, что христианин отставит антихристианские идеи, я разочаровываюсь в его христианстве и теряю к нему уважение как к христианину, из-за таких людей формируется мнение, что церковь разделяет эту самую антихристианскую позицию, это может многих смутить и вообще очерняет церковь, на мой взгляд. Как тут не возмущаться и принимать это со смирением? Да, со смирением это можно принять, без смирения принять очень трудно.

Очерняет ли это церковь? Ну, по большому счету, конечно нет, потому что церковь переживала разные времена и заявлялась от имени церкви много чего, и сегодня тоже мы слышим от верующих людей потрясающие антихристианские высказывания, причем я могу вам рассказать такие страшные превращения, я смеюсь, но это так, саркастически, страшные превращения людей глубоко верующих, превратившихся в свою прямую противоположность антиевангельскую, антибиблейскую, антихристианскую, но они убеждены в своей правоте, они вещают с ангона, они пишут книги, они выступают на телевидении, они говорят вот-вот

[Говорящий 2]

так-так, мы христиане должны вот убивать-убивать-убивать, но Господь сказал, я верую, что врата

[Говорящий 1]

адова церковь не одолеет, конечно это иррационально, и конечно я не могу тоже молчать, я тоже заявляю о том, что есть грех, а что есть не грех, но я при всем при этом понимаю людей, которые не веруют в евангелие, знаете почему, вот это моя точка зрения, я сейчас ее скажу вам, но это моя личная точка зрения, не буду на ней настаивать, так Оксана, я буду считать, что я вам ответил, тут еще спрятался вопрос Марии, в чем заключается, почему христиане выступают против евангелия, моя точка зрения, потому что евангелие, оно проигрывает в мире, у Кураева есть очень хорошая книжка о нашем проигрыше, почему мы проигрываем, какое-то такое название, но действительно христианство проигрывает, проигрывает кому, ну конечно она проигрывает сынам дьявола, потому что на земле сыны дьявола пользуются большей популярностью и более многочисленными, но об этом в евангелии как раз написано, что если бы вы были, если бы вы не были бы от мира, мир бы вас гнал, но ныне гонят меня, потому что я не от мира всего, так вот, а мы от мира, мы с вами, мы от мира, так вот, в

евангелии же это было, евангелие для многих людей воспринимается как слабое, религия слабости, многие называют это религия рабов, а нам нужна религия, которая дает нам мощь, которая дает нам силу, которая делает из нас победителей, завоевателей мира и дает нам власть над всеми нашими врагами, неврагами, соседями, оппонентами и никто не смеет нам навязать другую точку зрения, мы ее всегда силой или угрозой силы, мы ее всегда подавим, мы зачем, вот такая нам нужна религия и вот, пожалуйста, у нас есть такой храм, так называемый храм вооруженных сил в Кубинке по Минскому шоссе, вот этот храм как раз воплощает реванш христианства, но уже не евангельского, конечно, который сделал из христианства религию войны, это конечно не христианство, потому что христианство это религия как раз людей, которые

[Говорящий 2]

могут оказаться жертвами войны, но не военными победителями, за всю историю христианства, христианство

[Говорящий 1]

хотели сделать религии победителей, но, как вы помните, Константин Великий, он крест, вот этот Константинов крест прибил на счеты и написал сим победишь, то ведение его в мире было при битве с Максенцием в 300, кажется, восьмом году, не помню точно, и с тех пор и Византии, и все страны пытались сделать из христианства религию победы, но христианство осталось религией не победы, а религии нищих, религии бедных, религии раненых, религии больных, религии слабых, религии любви, религии благородных, милосердных, помогающих, утешающих, а вовсе не воюющих, и для многих людей, которые пришли в церковь и избрали христианство, вот это неприемлемо, они хотят религии, чтобы она была религией войны, религии победителей, религии силы, причем силой земной, а сила Христа, она сила небесная, неземная сила, сила небесная, и вот эта фраза апостола Павла, которую апостол Павел слышал от Господа, сила моя в нем еще совершается, она для таких людей неприемлема, вот это слабое христианство для них неприемлемо, поэтому они против, поэтому они делают из христианства то, что вы видите, но знаете, это конечно трагедия для церкви, но я-то верую, что это смоем все, понимаете, пены смоем, это было с многими народами, соблазнились народы сделать из христианства, из христианства сделать религию

[Говорящий 2]

войны, многие хотели, но никто не остался империи, ни одна христианская империя не осталась на лице земли, ни одна, так что читайте историю, посмотрите, где Византия, где все христианские, где империя Карла Великого, где империя австро-венгерская, все же они были христианские,

ну читайте историю, все понятно, что будет, а церковь стоит, понимаете, что это значит, это означает, что Христос с теми, кого он выбирает, а не те, кто его пришиливают на знамена, как тут возмущаться и

[Говорящий 1]

принимать со смирением, со смирением. Мария спрашивает, что такое патриотизм и должен ли христианин быть патриотом? Нет, он не должен быть, патриотизм не записан в Библии, вообще такого понятия нет, патриотизм христианина понятен, он не является чем-то христианину запрещенным, конечно нет, но это не является частью добродетелей, патриотизм это не добродетель, это нормальная человеческая чувство и на мой взгляд основанием для патриотизма является 5 заповеди Моисеева, то есть почитай отца и матери и будет хорошо тебе и будешь вот это почитание родителей, которое начинается с почитания своих собственных родителей, прежде всего своего отца, своей матери, своих дедушек и бабушек, своих лично, с этого начинается патриотизм, то есть сначала человек должен научиться уважать своих отцов, конкретно родителей, бабушек, дедушек, весь свой род, затем уже все этносы которым род принадлежит, города и страны, которым принадлежат люди, составившие ваш род и уже потом вот из этого постепенно-постепенно-постепенно вырастает такое понятие как отечество, то есть это земля отцов, отечество это земля отцов, отечество это страна твоих отцов, вот такой патриотизм, я думаю, как естественный, он для христианина вырешен на 5 заповеди он нормальный, естественный, а вот то, что патриотизм понимается почитанием государства и государственной власти, христианство не имеет никакого отношения, потому что христианство, оно над государственными границами, оно нет ни эллина, ни иудеи, для христианина государственная власть или этническая принадлежность не является чем-то значимым и ценным это с точки зрения антропологии это ценно, да, христианство говорит, ну конечно, ты русский, ты украинец, ты американец, ты еврей, ну и хорошо, да, ну и слава богу, но в этом нет никакого, так сказать, это не заповедь, можешь быть патриотом, можешь не быть, важно, чтобы ты отца уважал а вам не кажется, что в храме вооруженных сил странные фрески, странные, там изображены простые люди, воевавшие в Чечне в виде изображения на фресках, что это, ну это храм бога войны, да, и долгослужение, да, что происходит с нашей русской церковью и церковной властями что происходит с русской церковью, это, собственно говоря, история уже наша, в 1923 году русская церковь была подчинена ОГПУ, потом которая стала НКВД, то есть с 23 года, с объявления патриархом Тихоном своей виновности перед советским государством с этого момента началась подчиненность русской церкви ОГПН, НКВД и так далее, и так далее, и так до сего момента, поэтому, да, это страшно, это грустно, это наш общий грех, но это факт, так что вот что происходит с нашей русской

церковью, мне очень жаль, да, во времена перестройки, когда был собор, избравший патриарх Алексея в 90-м году вот это был, я был на этом соборе как диакон и как редактор журнала московской патриархии, это все было на моих глазах, вот это был, я не знаю, один, может быть и не один, но по крайней мере собор свободный, где выборы все-таки были свободными вот я могу констатировать, что вот на этом этот собор был свободный, в 88-м году был не очень-то ювелирный собор, он еще был под эгидой КГБ, а вот уже 90-го года уже был более-менее свободный, и с 89-го года церковь фактически обрела свою свободу, в 89-м году вот, но то, что произошло уже после смерти патриарха Алексея II, оно, тут вопрос спорный как вы относитесь к людям воспевающим Святую Русь, в церкви есть такие люди, которые считают, что Россия особенная страна, которая спасет мир, что мир держится на русских, и мы все такие особенные божьи, многие священники разделяют, продвигают это, да, я знаю, многие мои собратья в это веруют по поводу Святой Руси, Святая Русь это литературный образ, больше ничего, никакой Святой Руси не было, нет и не будет, потому что святость принадлежит только людям, и святыми апостол Павел называл верных христиан, но в церкви принято называть святыми людей, которых проставил Господь критерий святости сам по себе есть, поэтому назвать какую-то государственность или страну святой, ну это ошибка, кстати говоря, в истории это было очень много, была Святая Римская империя, была Вторая Римская империя, то есть Карла Великого, была Святая Болгария, была Святая Армения, чего только не было святого, нет, это, конечно, только литературный образ и больше ничего.

Россия особенная страна, Россия особенная страна, это правда, у России есть масса особенностей, о которых я уже много раз говорил здесь, мы это обсуждали, но еще поговорим обязательно, потому что антропология меня очень интересует, в чем особенность России, конечно, она особенная, вот, но то, что Россия не может спасти мир, для меня очевидно, потому что Россия до сих пор страна-то не христианская, вы только подумайте, что в церковь ходит у нас от силы 5 процентов населения, ну даже если мы очень прибавим, ну 10, ну 10 процентов населения, хотя это 14 миллионов прихожан, а где их разместить, у нас храмов-то всего, знаете сколько, ну 37 тысяч с Украиной вместе, вот поместите в эти 37 тысяч 14 миллионов, 14 миллионов это Москва, вот представьте себе, вся Москва верующая, сколько ей нужно храмов, а в Москве храмов на сегодняшний день 300, и то не все они действующие каждый день, а их храмики маленькие, ну как туда поместить всю Москву, вот вам и размер церкви, так по поводу, как может Россия спасти весь мир, если она сама еще не очень-то христианская страна, нам еще предстоит много сделать для того, чтобы Россия стала христианской страной, вот, но спасти мир нам право Господь

не давал, нет такого наказа нам и нет такого благословения, быть спасателями, так что нам бы себя спасти, мир, конечно, на русских не держится, это, конечно, такие все басни, то, что священники говорят, говорят об этом, да, знаете, это, ну такие красивые фразы, но давайте смотреть на конкретные дела, что делают, что делают русские люди, вот давайте смотреть на это, раз доктор Тихонов объявил свои виновности перед светского, да, есть документы, читайте документы, в газете известия опубликовано было его покаяние, несколько было его опубликовано интервью, все в 23-м году, читайте, есть такой тум, который выпустил Тихоновский институт, документы патриарха Тихонова, вот они вышли еще в 90-м году, кажется, и там сеть документов есть, в интернете есть, вы можете их почитать, они все открыты, почитайте, все это будет видно, совершенно очевидно, в интервью газете «Окном роста», я забыл, что такое рост, какая-то российская, что-то там такое, в общем, это ТАСС, будущий ТАСС, вот он говорил, я отныне перековался на все советское, в другом интервью он говорил, нет, конечно, в церкви все благополучно, никаких гонений нет, это говорит патриарх Тихон, к тот момент, когда расстреляны, ой, арестованы все митрополиты, а митрополит Вениамин расстрелян уже в 22-м году, а в 23-м он дает интервью, после тюрьмы, когда его выпустили, это он когда сказал, я советской власти не враг, это самая известная его фраза, но там еще есть несколько, так что да, читайте документы. Они все опубликованы, в интернете все есть. Объясняется это часто еще и тем, что в России, как нигде в мире, пролилось много крови новомучеников, и это осветило нашу землю.

Ну, про новомучеников я знаю достаточно много, потому что и мой дед был расстрелян в Бутово, он был настоятелем Богоявленского храма, Троицкого храма в Старой Купавне, был расстрелян вместе со своим диаконом, диакон причислен к Ликсупе, деда нет, дед очень много чего сделал, и вокруг него тоже были священники, которые много чего сделали, вообще говоря, было такое поколение очень деятельных священников в начале 20 века, их было много имен, которые вели активную деятельность, и они уподоблялись в значительной степени Анкронштадтскому, для них он был старший брат, который показывал им пример, как нужно быть настоятелем, и много чего делали, и в Бутово, знаете, там целый мартиролог священников, митрополит Чичагов-Серафим и многие священники, так что я знаю про них очень много, но ничего не изменилось.

Понимаете, вот когда началась перестройка, казалось бы, должен был бы состояться суд над теми людьми, которые расстреливали, арестовывали, судили, судили в кавычках всех невинно убиенных, но этого не было, при том, что на всех новомучеников есть дела по реабилитации, то есть

советская власть признала незаконность этих действий, признала, но никакого суда и даже расследования прокурорского хотя бы не было, дела о реабилитации были, там у них были свои дела, они там осуждены, кстати говоря, тот, кто осуждал моего деда, он тоже потом был расстрелян в 56-м году, но эти материалы, во-первых, секретны, во-вторых, обвинения ему, они расстреляли, а обвинения не предъявлены, то есть по крайней мере не опубликованы, нам еще предстоит это сделать, и вот вопрос, а почему, собственно говоря, не было суда над ОГПУ, НКВД, над всеми, я знаю фамилии, кто подписывал ордер на арест моего деда, кто допрашивал, кто обыск проводил, эти люди не были осуждены, они совершили незаконные деяния, это признано в документах на реабилитацию, это признала советская власть в 50-х годах, признали, но никто из них не был, так что вот пока этого не произошло, про новомучеников говорить нам лучше пока не стоит, они пока еще не, они могли бы осветить нашу землю, пока не осветили, потом из новомучеников никто против советской власти-то ничего не говорил, кроме одного-двух, Серафим Звездинский и Андроник, не помню его титул, вот по крайней мере двух, я знаю, кто говорили что-то против советской власти, а остальные этих спокойно доказывали, что они не виноваты на допросах, а как относиться к истории о том, что некому старцу во времена, нет, про Третий Рим это никакого не видение, про Третий Рим это послание, известное послание старца Филофея по поводу Третьего Рима, а Четвертого не бывает, но это Ода, как раньше придворные Оды писали, этот старец Филофей переехал за деньгами на Русь, но и для того, чтобы больше получить, он должен был что-то хвалебное царю сказать, так полагалось, дипломаты когда приезжали, это был дипломат от монастырей, нескольких монастырей, и он просил денег, потому что Русь тогда была намного богаче, чем какие-то княжества мелкие, которые на Палестине в то время бывали, церкви там были в ужасном положении, все христианские, Антиохейская, Русалинская, Александрийская и другие, ну да, это был такой дифферент, который был пропет Филофеем, что Два Рима палит, Третий стоит, а Четвертого не бывает, ну что, тогда же все и кончилось про Третий Рим, ну и потом, ну хватит России жить баснями прошлого, то, что сделали большевики, ну уже никакой не Рим, почему Рим, почему не Иерусалим, почему образом, смысловым образом Московского, именно Московского царства, потому что Россия могла бы быть не Московским царством, а Новгородским, например, чтобы не было более симпатично, потому что Новгород все-таки республика,

[Говорящий 2]

так вот, почему образом Московского царства останется Рим, что в Риме такого для нас было притягательного, тогда бы уже Иерусалим, а это я понимаю, Святой Город, но почему-то был выбран Рим, так что, ну, неинтересно, давно все это прошло.

[Говорящий 1]

Как жить? Хороший вопрос, но главное жить, Татьяна, все-таки главное выбрать жизнь, ведь черный и белый приходится выбирать каждый день, каждый час, как отличить одно от другого, ну, во-первых, у вас есть Евангелие, вот вам белое, и держитесь Евангелие, всегда держитесь и всегда встречайте, вот перед вами ставится какой-то ежедневный вопрос, а в Евангелии что написано, вот я понимаю, что здесь в Евангелии нету, я говорю здесь, потому что передо мной книга лежит, я понимаю, что здесь нету ответов на каждый вопрос, это незаконный шариат, понимаю, но творчески, вот Нагорная проповедь, пятая, шестая, седьмая, нет, пятая, шестая, седьмая главы Евангелия к Матфею, прочитайте, Нагорная проповедь, не такой большой, три главы, и вот попробуйте это применять, вот вам белое, вот вам ответ на вопрос, как?

Другое дело, справитесь вы, не справитесь, это другой разговор, по крайней мере, будете знать, как поступать. Страх антиковать власть часто связан с тем, что вся власть от Бога, и критика власти, это как будто бы критика Бога, но, конечно, это заблуждение, потому что власть в нашей стране, принадлежащая КГБ, НКВД, ФСБ, ну как она может быть от Бога, если эта организация, она была главным орудием уничтожения Церкви? Но ведь ничего не изменилось с этой партией, как она может быть от Бога?

Попущение Божие, да, конечно, молиться мы должны о власти, конечно, молиться, чем ближе Господь будет к этой власти, тем, я думаю, быстрее там реализуются какие-то верные решения, так что надо молиться, но ведь иметь свое мнение и не соглашаться, это нормально, конечно. Как сохранить трезвость и не поддаваться этому страху? А вот как раз православие, православная аскетика, она как раз для этого-то и есть, потому что трезвение и развлечение духов – две важнейшие добродетели христианской православной аскетики.

Это сложная задача, но это необходимо, и для того, чтобы быть трезвым, надо уметь две вещи. Первое – сидеть в тишине какое-то время, и второе – всегда проверять себя на предмет трезвомыслия. Почему я так думаю?

А кто мне это сказал? А зачем я это так считаю? В общем, такой критицизм к себе здоровый – это как раз и есть аскетическая традиция, которая важна.

Тут что-то еще, простите. Как вы считаете, что будет с украинской церковью? Сейчас некоторые священники в Украине перестали молиться за патриарха.

Это будет раскол. Раскол на Украине с 90-го года, с той поры, когда митрополит Филарет объявил себя отдельно от Москвы. Это было даже раньше, в 92-й или в 91-й год.

С этого момента уже на Украине раскол. Так что Украине очень тяжело в этом смысле. И да, это огромная проблема.

Как будет украинская церковь преодолевать этот раскол, я не знаю. Но украинская православная церковь, она уже давным-давно, кстати, с 92-го года объявлена самостоятельной церковью. Так что ей не нужно отделяться, она и так отдельная.

Будут ли они почитать патриарха или не будут, принципиального значения здесь нет. Для нас это важно, а для них нет, я так думаю. Так что раскол в Украине есть уже давно, а вот с УПЦ, с Украинской православной церковью, раскол, я думаю, не будет.

Но самостоятельность украинской церкви будет, она уже есть фактически. А вот административное поминовение и поминание, это немножко другой вопрос. Вопрос не по теме, простите, в нехристианском государстве имею ли я право как христианка выступать против признания законным и однополым браком?

Ну конечно. Или я не должна навязывать всем свое мировоззрение? Возьмите пример с многих христианских стран, где идет открыта дискуссия по поводу однополых браков, где постоянно проводятся какие-то шествия, конференции, демонстрации.

Там очень серьезно идет борьба за христианские ценности, против браков, против аборт, против того, против всего. Да, конечно, надо заявлять. Только не воевать, не воевать с людьми.

И понимаете, всегда различают. Если о гомосексуализме говорим, есть люди действительно с гомосексуальными наклонностями, их немного. Они обычно не вступают в никакие дискуссии.

А есть просто-напросто люди, которые просто голубой лобби, как их называют, курают. А есть просто люди, которые шумят. Вот этот шум, вот эта вся мишура и пенка.

Воевать с этими людьми явно не стоит. Это все как с ветренами. Будете воевать с ветренами, если хотите, пожалуйста.

Дон Кихот воевал. Навязывать свое мнение нет, а заявлять свое мнение имейте право. Я имею в виду УПЦ Москва.

Да, я понимаю, Оксана, да. Раскола тут никакого не предвидится. Кстати говоря, сегодня было решение Синода о том, что они созывают собор.

Увидим, что будет на соборе. Увидим, что они будут говорить. Там сложная ситуация, очень.

Украинской церкви не позавидуешь. У меня есть друзья в Украине, которые пишут, что у нас очень серьезное противостояние. Вот тоже, кстати говоря, у нас противостояние в одном, у них в другом.

Они верные православные чада, и они там, и священники по разные стороны. Одни уходят в эту церковь, другие в эту. Прихожане, кто идет с этими, кто с этими.

А есть прихожане, которые ничего не знают. Они даже не знают, где они, в какой церкви. Им все равно.

Так что да, там ситуация очень непростая и болезненная, очень болезненная. Но главное, чтобы никто силой не пытался никого переубеждать, никого захватывать, никого выгонять. Вот чтобы только всемирно.

Вот это было бы настоящим христианским решением. Мирное христианское решение всех проблем. Но на Украине это очень сложно.

У меня был друг на западной Украине, в какой же это области, не помню. Западная, в общем, Украина. И он говорит, у них в селе три церкви.

Греко-католическая, то, что мы называем униадская, украинская православная и московского патриархата. Три церкви на одной село. И все друг к другу ходят в гости, и все празднуют вместе.

Хотя на литургии, воскресенье, идут в свою церковь. Но общение, и в семьях тоже из разных конфессий, там все перемешано. Большое село.

Но три, вот вам, пожалуйста, живут, живут, не воюют. Никто ни с кем не воюет, всем друг другу помогают, кстати говоря. Вот пример.

Хороший пример, мне кажется. Хотя непросто, когда особенно в семье разные приходят. Ну что же, ладно, время много, я затянул этот разговор.

Спасибо вам большое за вопросы, много было вопросов. Надеюсь, что все-таки дух мира у нас победит. Дух мира, миролюбия, милосердия и уважения друг к другу победит.

Спасибо и до новых встреч. Мы встречаемся через неделю. Елена, скажите, какой у нас будет...

[Говорящий 3]

У нас будет тема, как выживать или как строить жизнь от пандемии до мирового переустройства.

[Говорящий 1]

Да, очень сложная тема. Но все-таки речь не будет идти именно о нашем времени и о том, как нам... То есть ответ на вопрос, что делать.

Вот так можно сказать по-простому, извечный русский вопрос, что делать. Берегите себя. До встречи через неделю.

С Богом.